

История

УДК 299 9571.61

Е.В. Буянов

ОТНОШЕНИЯ ДУХОВНЫХ ХРИСТИАН МОЛОКАН АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ С ОРГАНАМИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В статье рассматривается проблема взаимоотношений духовных христиан молокан в Амурской области с органами царской власти во второй половине XIX – начале XX вв.

This article is devoted to the problem of relations of Spiritual Christians and the tsar authorities at Amur region in the second half of XIX century at the beginning XX century.

Молоканство как рационалистическое христианское течение появилось в России в 50-х гг. XVIII в. В 1912 г. в Амурской области насчитывалось 16227 молокан¹. Военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. требовала от правительства России эффективных мер по заселению и освоению нового края. Переселенцы молокане, оседая на земле, немало способствовали хозяйственному подъему региона. Местная администрация была вынуждена строить отношения с сектантами на основе полной фактической свободы вероисповедания. Однако в России православная церковь занимала господствующие позиции, а ее религиозные догматы и обрядность поддерживались всей силой государства. Поэтому старообрядцы и сектанты рассматривались властью как раскольники и еретики. Чиновники царской администрации в целом относились к молоканам враждебно.

Сами молокане, основываясь на словах апостола Павла, считали необходимым повиноваться властям предрержащим. Но, по их мнению, нельзя и не должно исполнять те повеления властей, которые противны нравственным требованиям совести и правды. В подтверждение этого они указывали на пример первых христиан, которых римские императоры принуждали поклоняться идолам. Христиане не исполняли этих повелений и только благодаря этому сопротивлению спаслись и прославились. Относительно монархической институции молокане указывали на то, что Бог устами Самуила Сам отклонял израильтян от избрания себе царя. Но вместе с тем молокане считали обязательными для себя почитание царя и повиновение поставленным от него властям.

До 1905 г. общественное положение молокан в России было чрезвычайно тяжелое. Как при отправлении своих религиозных нужд, так и в области гражданских прав они подвергались разного рода стеснениям и ограничениям. Так, они были лишены права гражданской службы, не могли быть избираемы на многие общественные должности. Метрические книги их велись полицией, которая, пользуясь этим, часто злоупотребляла своей властью, отказывая записывать браки молокан, а также детей, рожденных в этих браках. В учебных заведениях детей молокан принуждали проходить Закон Божий у православного священника. Промышленная и торговая деятельность молокан парализовывалась запрещениями: вступать в гильдию, отлучаться далее 30 верст от места причисления и иметь у себя работников православного исповедания. Благодаря подобным мерам молокане оказались фактически отданными во власть полиции, которая, пользуясь этим, широко практиковала поборы с них. Не меньше приходилось терпеть молоканам и от духовных властей, по

предписаниям которых они в самую горячую рабочую пору насильно отрывались от полевых работ и высылались в консисторию для увещеваний. По временам в отдельных местностях репрессии даже в самом конце XIX столетия принимали характер совершенно исключительный. Так было, например, в Самарской губернии, где в 1897 г. полиция, руководимая миссионерами, насильно отбирала детей от родителей-молокан и заключала их в монастыри².

Настороженное отношение царской администрации Амурской области к молоканам наблюдалось с начала крестьянской колонизации края. В 1859 г. среди первопоселенцев Дальнего Востока были молокане, высланные на Амур из Таврической губернии за принадлежность к секте. Новоастрахановка (в источниках конца XIX – начала XX вв. деревня называется Ново-Астраханкой, Астраханкой, Астрахановкой), расположенная на реке Зее вблизи Благовещенска, была выбрана местом жительства молокан не случайно. В сопроводительном документе в адрес военного губернатора Амурской области в отношении семей Кирея Попова и Матвея Лепехина, жителей деревни Астрахановки Бердянского уезда Таврической губернии (37 человек обою пола), говорилось, что по высочайшему повелению без суда и следствия по подозрению в распространении своего учения указанные молокане пересылаются в Восточную Сибирь. Строгость наказания была вызвана тем, что как раз в это время, 24 сентября 1858 г., был выпущен императорский Указ об усилении борьбы с раскольниками³. Кирею Попову и Матвею Лепехину вменялось в вину содержание секты. За вредные действия было приказано поселить упомянутых крестьян и их семьи на берегах Амура (первоначально предполагалось отправить их в Якутскую область), в отдалении от православных жителей, под строгим присмотром, дабы эти люди не распространяли своей ереси⁴. В чем заключалась эта ересь, официальные документы не поясняют. Однако из прошения Самойлы Матвеевича Лепехина в адрес военного губернатора Амурской области от 20 января 1867 г. с просьбой разрешить его семейству вернуться в Таврическую губернию, где остались родственники, дом и другое имение, можно узнать, что в 1856 г. власти начали преследование молокан за толкование Апокалипсиса и распространение молоканского учения⁵. Семьи Кирея Попова и Матвея Лепехина были этапированы в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири по маршруту – Бердянск, Екатеринослав, Казань, Красноярск, Иркутск. Как арестанты, они должны были получать в пути по 15 коп. серебром в день на одно взрослое лицо и по 7½ коп. на детей. Однако переселяемые молокане кормовыми деньгами от Бердянска до Казани получали только по 3½ коп. на взрослого, а в дороге от Казани до Иркутска не получили вовсе ничего. По прибытии в Иркутск в начале 1859 г. они подали прошение генерал-губернатору Восточной Сибири об удовлетворении их кормовыми деньгами, но ответа не получили. С такой же словесной просьбой они обратились к графу Муравьеву-Амурскому при посещении им места их проживания на Амуре. После этого Н.Н. Муравьев-Амурский поручил донести ему об этом в установленном порядке своего помощника титулярного советника Малиновского, который и составил подробную справку о неполучении молоканами кормовых денег.

В записке представителя свиты восточносибирского генерал-губернатора генерал-майора М.С. Корсакова предлагалось провести расследование данного дела и говорилось, что при выяснении факта нарушения закона следует, безусловно, выдать молоканам причитающиеся им кормовые деньги в месте их нового пребывания. В ходе разбирательства были сделаны запросы новороссийскому и бессарабскому генерал-губернаторам. Дальнейшая переписка показала, что надо войти в сношения со всеми начальниками губерний, через которые проходил путь семейств Лепехина и Попова. Поскольку при этом дело грозило затянуться, то амурские власти решили обратиться к министру финансов об отпуске суммы необходимых кормовых денег. В конце концов дело вернулось в Иркутск, в главное управление Восточной Сибири, откуда 14 ноября 1861 г. было отправлено

письмо за подписью М.С. Корсакова в адрес военного губернатора Амурской области. В нем говорилось, что, рассмотрев прошение Кирея Попова и Матвея Лепехина о выдаче кормовых денег, Главное управление Восточной Сибири нашло, что ходатайство этих молокан не подлежит удовлетворению в силу закона, позволяющего отпуск кормовых денег по 15 коп. серебром в пути только лицам, не имеющим никакого состояния⁶. На самом деле Поповы и Лепехины были зажиточные крестьяне. Они получили за свое имущество, проданное на родине, 5728 руб. 5 коп. серебром. Кроме того, по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири из сумм пожертвований на переселенцев они получили 100 руб. серебром в пособие на обустройство⁷.

Однако вскоре амурские молокане заняли господствующие позиции в сельском хозяйстве области, в коммерции, банковском деле, ремесле. Они торговали галантереей, продуктами питания, в том числе мясом, успешно занимались паромоводством, мукомольным бизнесом, извозом грузов на прииски, используя не только лошадей, но и верблюдов, поголовье которых достигало в отдельные годы нескольких сотен.

По мере возрастания экономической мощи благовещенских молокан и увеличения их общины встал вопрос о доме для молитв. 20 января 1884 г. в адрес военного губернатора Амурской области поступил пакет документов от молоканского общества г. Благовещенска. В прошении благовещенских сектантов говорилось, что в настоящее время их численность, считая женщин и подростков, доходит до 5000 человек. Они собираются для молитвы в частных домах, которые по тесноте и непригодности не внушают должного благоговения к смыслу молитвы, служат к распадению общества и при недостатке благодати являются поводом к тому, что молодежь перестала доверять руководству общины, стала отпадать от молоканского учения и переходить во вредную секту хлыстов, именуемых здесь прыгунами. Все это по обнародованию высочайше утвержденного 3 мая 1883 г. мнения Государственного совета о даровании некоторых гражданских прав раскольникам по отправлению духовных треб подвигнуло общество благовещенских молокан к устранению на будущее время вышеназванных неудобств и вреда от них происходящего. Большая часть именитых граждан, исповедующих молоканское учение, изыскав единственный способ противодействия (неудобствам и вреду – *Е.Б.*), пришла к заключению, что в г. Благовещенске крайне необходимо устройство общественного молитвенного дома⁸.

В приговоре молоканского общества г. Благовещенска от 11 января 1884 г. были названы четыре лица, избранные для ведения всякого рода дел и подписания бумаг: благовещенский 2-й гильдии купец Иван Андреевич Шипков, мещанин Харитон Иванович Болотин, мещанин Захар Федорович Платонов, мещанин Мокей Захарович Буянов. Приговор скрепили своими подписями 44 человека – самые уважаемые представители молоканской общины города. Среди них: благовещенский 2-й гильдии купец Андрей Павлович Косицын, купцы Феоктист Степанович Коротаяев, Иван Иванович Ефремов, Дмитрий Селезнев, Иннокентий Фомич Семеров, Василий Алексеевич Алексеев, Василий Аверьянович Косицын, Илья Кувшинов, Григорий Косицын, мещане Егор Васильевич Саяпин, Егор Попков, Кондратий Петрович Селезнев, Николай Конфедератов, Феоктист Саяпин, Михаил Косицын, Василий Косицын, Павел Малахов, Михаил Виноградов, Евтей Захарович Буянов, Осип Васильевич Виноградов, Семен Смирнов, Силантий Кондрашов, Иван Косицын, Семен Саяпин, Зот Иванович Косицын, Корней Иванович Болотин.

Под списком лиц, подписавших приговор, стоит дата – 18 января 1884 г., что указывает на то, что документ составлялся неделю⁹. Среди документов, поступивших военному губернатору Амурской области, была доверенность от общества благовещенских молокан, уполномочивающая на ведение дел с властями благовещенского купца 2-й гильдии Захара Сергеевича Вобликова и благовещенского купца 2-й гильдии купеческого сына Зиновия Петровича Косицына¹⁰. З.С. Вобликов и З.П. Косицын представили военному губернатору Амурской области заверенное в окружном суде

адресованное им письмо. В нем говорилось: «Милостивые государи Захар Сергеевич и Зиновий Петрович! Желая построить в г. Благовещенске молитвенный дом, мы просим Вас Милостивые государи на основании Указа Его императорского величества от 12 мая 1883 г. за № 432 исходатайствовать нам позволение на постройку дома и уполномочиваем Вас подавать от имени нашего прошения и всякого рода бумаги, просим отныне получать ответы правом сей доверенности во всем, что в должном учините, к Вам верить и прекословить не будем и признавать будем как бы мы сами то учинили. С истинным почтением имеет честь быть благовещенский мещанин Мокей Захарович Буянов, благовещенский мещанин Захар Федорович Платонов, благовещенский мещанин Харитон Иванович Болотин»¹¹.

20 апреля 1884 г. военный губернатор Амурской области отправил в полицейское управление г. Благовещенска представление следующего содержания: «Доверенные общества молокан Захар Сергеевич Вобликов и купеческий сын Зиновий Петрович Косицын просят моего ходатайства о разрешении устроить в г. Благовещенске общественный молитвенный дом, для коего построить особое здание. При прошении представлены приговор общества молокан уполномочивающий купца Ивана Шипкова, мещан Харитона Болотина, Захара Платонова, Мокея Буянова выдать Захару Вобликову и Зиновию Косицыну настоящую доверенность на означенное ходатайство; копия доверенности заверенная в окружном суде 16 января 1884 г. подписанная только М. Буяновым, З. Платоновым, Х. Болотиным. Подписи И. Шипкова нет. Мнением Государственного совета, Высочайше утвержденного 3 мая 1883 г., дозволено раскольникам с разрешения Министерства внутренних дел обращать для общего благолепия существующие строения; но о том, чтобы раскольникам строить новые дома для молитвы в том мнении ничего не сказано. При таких условиях, если по неимению подлежащего строения и можно допустить постройку нового дома для молитвы, так не иначе как по разрешению и утверждению плана того дома. Между тем план мне не представлен, и поэтому дать ход означенному ходатайству общества молокан не признаю возможным. Кроме того: общество уполномочило подписать доверенность четырем лицам, в том числе И. Шипкову, между тем на данной доверенности только три подписи, подписи И. Шипкова нет и, следовательно, доверенность не полная. Предлагаю объявить Захару Вобликову и Зиновию Косицыну до исправления доверенности и предоставлении мне плана дома ходатайство оставить без движения. Генерал-майор П.С. Лазарев»¹².

После этого единственное, что удалось благовещенским молоканам, – получить в 1894 г. участок земли под постройку молитвенного дома.

С началом первой русской революции правительство Российской империи пошло на известное смягчение в вопросах религиозной политики. В циркуляре Министерства внутренних дел от 19 февраля 1905 г. «Губернаторам, градоначальникам и оберполицмейстерам предлагалось без замедления и, во всяком случае, не позднее трех месяцев со дня утверждения сего Положения распорядиться об отмене всех, кроме указанных в следующем пункте стесняющих свободу исповедания веры и не основанных прямо на законе административных распоряжений от каких бы начальств они не исходили». В этом документе министр внутренних дел А.Г. Булыгин сделал следующее предписание своим подчиненным: «Во исполнение означенной Высочайшей воли предлагаю вашему превосходительству: 1) без замедления принять действенные надзора к тому, чтобы в пределах подведомственной Вам местности никакими административными учреждениями и лицами впредь не устанавливалось каких-либо стеснений в области религии, в законе не установленных; 2) не допускать впредь в пределах вверенной Вам местности применения в делах религиозного свойства Положений о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей»¹³.

После высочайшего Указа, данного Правительствующему Сенату 17(30) апреля 1905 г., утверждающего в России начала веротерпимости, сектантам дозволялось строить культовые здания. 22 апреля (5 мая) 1905 г. Благовещенская городская дума вынесла постановление о разрешении строительства молоканского молитвенного дома на отведенной еще в 1894 г. земле, с условием приступить к строительству не позже двух лет после постановления. Большой каменный молитвенный дом молокан был построен в 1905 – 1907 гг. по улице Иркутской (ныне ул. Горького, № 97). При советской власти (приблизительно в 60 – 70-е гг. XX в.) была проведена реконструкция здания, в результате чего была нарушена единая композиция большого внутреннего пространства, по фасаду дом также претерпел сильные изменения¹⁴.

Молитвенный дом молокан, без сомнения, являлся одним из достижений архитектуры и украсил вид Благовещенска. Военный губернатор Амурской области Г.М. Валуев писал: «Лет тридцать тому назад начали строить новый собор Михаила Архангела. Храм дал трещины. Как опасный для молящихся, он остался недостроенным и стоит на высоком холме, на виду издали, без купола, глав и крестов, тяжелой потемневшей массой, на стыд православным – перед многотысячными местными сектантами и русским – перед соседями-китайцами. А невдалеке возвышается грандиозный молитвенный дом молокан, как укор малому усердию православных к своей вере»¹⁵.

Как уже отмечалось, молокане в соответствии со своим религиозным учением считали необходимым повиноваться властям. В 1905 г. на волне первой русской революции в России ослабели религиозные гонения на сектантов и раскольников. Амурские молокане с удовлетворением восприняли эти перемены. Без их заинтересованности позиция общины вряд ли была доведена до сведения верховной власти, хотя инициатива местной администрации в этом деле очевидна. 25 апреля 1905 г. молокане Благовещенска выразили поддержку правительственным мерам. Одновременно в Министерство внутренних дел была отправлена телеграмма военного губернатора Амурской области Д.В. Путяты, в которой говорилось: «Долгом считаю удостоверить, что отправленная сего числа с моего разрешения телеграмма Вашему Величеству от Благовещенской молоканской общины с выражением верноподданнических чувств и благодарности по поводу Вашего Указа 13 апреля о сектантах определяет вполне искренние чувства всего молоканского населения области. 25 апреля 1905 г.»¹⁶.

Ответная телеграмма пришла военному губернатору Амурской области Д.В. Путяте 8 августа 1905 г. В ней говорилось: «На всеподданнейшем докладе министра внутренних дел о верноподданнических чувствах, заявленных духовными христианами молоканской общины г. Благовещенска по поводу Высочайшего Указа, данного Правительствующему Сенату 17 апреля тек. г. об укреплении начал веротерпимости, Государь Император собственноручно начертать соизволил: «Прочел с удовольствием». Об изложенном, по приказанию генерал-губернатора, канцелярия сообщает Вашему Превосходительству вследствие телеграммы от 25 Апреля за № 223 для объявления по принадлежности»¹⁷.

Вскоре в соответствии с новыми законами в Российской империи началась регистрация религиозных обществ. Благовещенская община молокан была поставлена на учет в канцелярии военного губернатора Амурской области 19 марта 1907 г. под названием «Общество духовных христиан, именуемых молоканами». Был образован попечительский совет благовещенского «Общества». В 1911 г. председателем попечительского совета был Зиновий Петрович Косицын, в 1913 г. – Иван Андреевич Тимофеев. При благовещенском «Обществе духовных христиан, именуемых молоканами» числился один молитвенный дом¹⁸. Таким образом, несмотря на отдельные шероховатости и даже конфликты, отношения между органами царской власти и амурской общиной

духовных христиан молокан подчинялись государственным интересам, направленным на освоение и хозяйственный подъем российского Дальнего Востока.

¹ Памятная книжка Амурской области на 1914 г. – Благовещенск, 1914. – Таблица 3.

² Пругавин А.С. Молокане // Энциклопедический словарь русского библиографического общества института «Гранат». – 11-е стереотип. изд. – М., 1933. – Т. 29. – Ст. 228, 229.

³ Рукописная копия императорского Указа от 24 сентября 1858 г. хранится в Государственном архиве Амурской области. ГААО. Ф. 4-и. Оп. 1. Д. 129. Л. 1, 1об., 2.

⁴ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 704. Оп. 4. Д. 11. Л. 6, 6 об., 10, 10 об., 14, 14 об.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 4. Д. 16. Л. 111, 111 об., 112.

⁶ Там же. Л. 57, 57 об., 58 об., 59, 60 об., 63 об., 75.

⁷ Там же. Д. 11. Л. 7.

⁸ Там же. Оп. 7. Д. 571. Л. 1, 1 об.

⁹ Там же. Л. 3, 3 об., 4, 4 об.

¹⁰ Там же. Л. 1, 3.

¹¹ Там же. Л. 5, 5 об.

¹² Там же. Л. 7, 7 об., 8.

¹³ Там же. Д. 636. Л. 1, 1 об.

¹⁴ Холкина Т.А., Чаюн Л.А. Архитектурное наследие Благовещенска. – Благовещенск, 2006. – С. 39-40.

¹⁵ Всеподданейшая записка военного губернатора Амурской области Г.М. Валуева о состоянии Амурской области за 1909 и 1910 гг. – Благовещенск, 1911. – С. 10.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 636. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 7, 7 об.

¹⁸ Памятная книжка Амурской области 1911 года. – Благовещенск, 1911. – С. 159; Памятная книжка Амурской области на 1913 год. – Благовещенск, 1913. – С. 104.